

КАСПИЙСКИЙ РЕГИОН В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

КАСПИЙ: «ОЗЕРО НАДЕЖДЫ» ИЛИ МОРЕ ПРОБЛЕМ? (МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ НА ТЕМУ ПРИКАСПИЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА)

С.Н. Баранец
(Астрахань, Россия)

Геополитика как объяснительный принцип и социальная теория в конце XX века проделала определенную эволюцию, суть которой, коротко говоря, сводится к следующему: за считанное число лет она превратилась из «новомодной штучки» в очередную, сводящую скулы зевотой «лютую банальность». И дело тут, как представляется, не только в ущербности методологического зачина, с которым она подходит к изучаемым ею предметам. Само по себе «мышление пространством» не хуже и не лучше, например, «мышления временем» или - очень даже непростого, если вдуматься, - «мышления движением» или даже «развитием» (диалектика! – как сказал бы с поднятым пальцем выпускник философского факультета 70-х годов XX в.). Согласимся, однако, что мыслящий и пространством, и временем, и прочим принужден мыслить, во-первых, скорее «о», чем «посредством», а во-вторых, если мышление осуществляется посредством, то приличнее мыслить все-таки посредством головы, находящейся вместе с остальным телом в мире движения, пространства и времени. Может быть – с помощью головы, которая существует, как известно, для того, чтобы создавать и воспроизводить мир мудрых мыслей и разно-окрашенных образов...

Дело, видимо, в другом. Дело в том, что дозволенное быку не может позволить себе Юпитер. Говоря прямо, без намеков, можно утверждать, что генеральная задача науки – не создавать и тем более – не придумывать себе предмет и объекты исследования, а обращать и даже концентрировать разумно организованное внимание на тех областях предметно-процессуального мира, которые по какой-то причине становятся потребностно-интересными индивидуальному, групповому и общественному (сверхколлективному) субъекту. Конечно, вопрос о соотношении открытых и созданных (сотворенных) объектов и предметных областей, «вдруг» или по определенной логике познания становящихся интересными для науки с точки зрения их значения, ценности и возможной предназначенности для человеческих целей, всегда останется немного «приоткрытым», даже если и представить себе ситуацию всеобщего согласия относительно того, что более ценно, а что, соответственно, менее. И все же именно критерий практики (понимаемой в духе классического марксизма) для процессов и результатов познания меры истинности и ценности вещей, явлений и процессов человеческим образом освоенного и осваиваемого мира остается пусть и не вполне совершенным, но все же единственно надежным измерительным инструментом, показания которого способны если не увеличить количество счастья в континууме людских дел и событий, то, по крайней мере, маркировать ложь и ошибку, отличать их от всего, похожего на истинную правду. Эволюция, в том числе и общественная, если можно так выразиться, валюационна (от англ. Value – ценность): ее движение отфильтровывает, сепарирует, дистиллирует, одним словом, так или иначе осмысленно упорядочивает ценностный мир (вернее сказать, миры) человека в деятельно и общенчески выстроенном процессе освоения данного природой для простого и расширенного воспроизводства и удовлетворения человеческих потребностей. Такова история, такова культура, такова жизнь.

Выбор методологии при искреннем или наукологически выведенном желании понять то, что есть на самом деле, уразуметь мир как объективную, отстоящую от человека реальность, не может быть безмерно субъективен. Человек умеет вообра-

зять, что он творит миры по собственному произволу, по своему хотению и подобию. Но одновременно он вынужден воспроизводить идею бога для оправдания собственной волонтарности и тем самым удвоить мир (или даже умножать миры), в конечном счете, для минимизации тревоги через упорядочивание собственного страха перед непознанным, а потому – чужим и чуждым, так сказать, алиенальным, которое чужеродно иногда до враждебности. Собственное небезразличие к своей судьбе-в-мире, равно как и миру-в-судьбе человек склонен приписывать как натуре, так и культуре. Нередко происходит наложение одного на другое, и результатом такой умственной интерференции природному миру оказываются свойственные такие качества, которые по существу антропогенны и антропософичны (умопостигаемы именно человеческим умом), но выступают при этом как свойства природных вещей, явлений и процессов. Идя далее, некоторые решаются преодолеть последний рубеж и утверждают тезис об атрибутивной, неотъемлемой присущности человеческих признаков, свойств и качеств феноменам природы. При этом стараются не замечать, что слабый или сильный антропный принцип является, в первую очередь, отражением бессилия человека перед постигаемым миром – таким, каков он есть сам по себе, и только во вторую, да и то с оговорками – способом организации познания и практики. Не резон сейчас открывать очередной раунд дискуссий на эту тему, но нельзя не отметить, что безграничное очеловечивание природы, поиски в ней человекообразности так же мало имеют отношения к науке, как и обожествление природных сил и процессов: эти две крайности сходятся в том, что располагаются за пределами идеалов, принципов и норм научного познания (если вообще признавать граничность всякого знания как познавательную установку).

Принцип объективности истины в последней трети XX века был вытеснен на периферию познания и практики, и на его место был водружен принцип конкурентности истин. Так могло случиться не только в связи с целенаправленной работой одной части научного сообщества против другой (хотя лапутянские споры, придуманные Свифтом, и доселе остаются повседневным способом существования науки как социального института), но главным образом потому, что на рубеже тысячелетий мир, на наш взгляд, устал от самого себя, согнулся под тяжестью содеянного и запросил pardonу для того, чтобы произвести золушкину работу по отделению – нет, даже не зерен от плевел (где уж человеку совладать с это воистину божеской, великой задачей!), а просто-напросто темной фасоли от светлой. Человечество, фигурально выражаясь, испытало жестокое разочарование в самом себе, и в порядке самокритики и работы над ошибками устами идеологов постмодернизма перво-наперво объявило, что ошибок не бывает, потому что «everything goes» (возможно все). Парадоксально, но факт: именно с этой методологической площадки началась реабилитация, а затем и экстенсивное культивирование паранаучных, околонаучных, квазинаучных и иных, ненаучных, но похожих на нее познавательных парадигм, апологеты которых ворвались в открытые двери бывших цитаделей науки и предались, как и полагается победителям, беззастенчивому разграблению ее богатств (принадлежащих, между прочим, всему человечеству). На наш взгляд, назрела пора ставить вопрос о генерировании имунитарной составляющей человеческой культуры и специальных механизмов защиты цивилизации от ее собственных достижений, которые все чаще обращаются против нее самой.

Желаемый в XXI веке диалог культур и цивилизаций может быть выстрадан только в связи с результатом незаметной для широкой публики битвы методологий. Толерантность в этой сфере, конечно, возможна, но она, увы, как и везде, имеет свои пределы. Непротивление злу насиланием вовсе не означает не-сопротивление злу как таковое: такой способ существования культуры, видимо, справедливо мыслится как преимущественный, но не может быть утвержден как некая универсальная социальная константа. Терпеть зло, могущее проистечь из неистинных и неоправданных методологических установок может оказаться для человечества в целом, как говорится, себе дороже. Тем более, что конкурентность в нынешних условиях пока что берет верх над кооперативизмом (сиречь сотрудничеством). Последний остается более фигурой речи, по крайней мере, в проводимой нынешними историческими субъектами

международной и внутренней политике¹. А поскольку практика выше теоретического познания, хотя последнее и шире, и поскольку именно продолжительность практического освоения мира вынуждает теоретиков теоретизировать по поводу теоретических констатаций и конструкций, поскольку – и лишь постольку позволяющий спор о мире и его отражении в головах людей вовсе не следует считать разрешенным, доколе сомнение вообще возможно как истинно человеческий феномен.

Поэтому всякий познавательный объект, предмет или избранная для изучения тема, как правило, акцентирует и мобилизует методологическую рефлексию. Верно, впрочем, и обратное: методологически ориентированная рефлексия порой генерирует тот самый интерес к потенциальному объекту исследования, который является движущим мотивом всякой науки. Некоторые усиливают этот аргумент, говоря о том, что мысль способна конструировать мир по собственным, а не мировым законам. В истории философии и науки достаточно аргументов в пользу тезиса о том, что, прежде чем приступить к изучению предмета, ученый уже имеет в голове некий набор методологических установок относительно того, как, почему и для чего он будет предаваться этому занятию. Но далеко нетривиальна, на наш взгляд, тема *процессуально-темпорального* аспекта осуществления итогового выбора в пользу той или иной концептуально-методологической позиции, модусы и модальности которой, как нам кажется, определяют «лики» или даже «ипостаси» объекта, предстающего перед умственным взором исследователя. В конечном же счете всякий познавательный объект предстает не только предметом непосредственного изучения его, но и поводом для очередного сведения счетов с собственной научной совестью, проверкой если не позиционной методологической истинности, то уж как минимум собственной методологической *правоты*. В этом отношении, видимо, не так важно, с чего начинать; важнее то, к чему хочешь придти и – особенно! – к чему *на самом деле* приходишь в результате относительно свободного научного поиска.

Если, к примеру, принять в качестве исходной посылки для разговора о прикаспийском сотрудничестве ту, скорее, метафорическую, чем теоретическую концепцию каспийского узла, которую высказал и в пользу которой пассионарно свидетельствовал Н. Гумилев в своей известной книге «Тысячелетие вокруг Каспия», то первое, что бросается в глаза и с чем почему-то согласны практически все, заключается в следующем: Каспий слишком, сугубо специфичен, индивидуален, чтобы подходить к нему с обычными мерками. Надо честно признать, что методологически этот тезис тривиален: любой объект познания и практики специфичен, и это обстоятельство не в последнюю очередь и делает его *объектом* для определенного субъекта. Но давайте примем на время тезис о чрезвычайной, внемерной, из ряда он выходящей специфике каспийского водохранилища, и мы увидим, как этот в методологическом смысле ничем не выдающийся объект познания уже в качестве особым образом предстающего перед нами предмета неожиданно приобретет демонические, мистериозные, а попросту – чудесные черты. Коль скоро, в самом деле, его специфика как природного объекта, определяющая его культурно-историческую роль и, если хотите, предназначение, до сих пор не выяснена (не здесь ли корни трудностей, связанных с нерешаемостью проблемы определения юридического статуса этого мореозера?), эта тянущаяся неопределенность вполне способна порождать у многих не только сугубо профессионально-деятельный, коммерциальный или научный интерес, но нередко и какое-то мистическое отношение к этому чудному озероморю, которое не вписывается ни в какие рамки привычных классификаций и подчас ускользает от аналитических инструментов научного познания².

Прагматическая составляющая социальной природы нормального человеческого существа не может долго выносить мистику, равно как и пустоту. А потому, оставив вопрос о природе каспийского феномена тем, кого это может интересовать, средне-статистический «делатель дела» ничтоже сумняшеся обустроивает это конкретное место в его (и свое, конечно) конкретное время, мало интересуясь различными экономическими, географическими, геополитическими, этнополитическими и иными научно-технологическими конструкциями с их нюансами и деталями, нагроможденными и нагромождаемыми вокруг и по поводу того фрагмента реальности, который

именован Каспием. В результате Каспий предстает в деятельном сознании как пусть и весьма специфический (при неопределимости корней и оснований этой специфичности), но все же, несомненно, *природный* феномен. Именно в качестве такового Каспий с давних пор оказался удачно вовлеченным в культурно-исторический и одновременно - производственно-потребительский круговорот. В рамках такого человеческого круговорота (по-другому говоря, процесса простого и расширенного воспроизводства) с данным феноменом, как и с любым другим, можно и должно поступать так, как принято поступать с интересными и полезными с точки зрения производственно-хозяйственных нужд природными объектами с тех пор, как стало известно, что знание – сила: присваивать и осваивать, обустривая по мере сил и, что немало важно, необходимости. Фундаментальное и первичное цивилизационное значение Каспия связано именно с тем, что его оказалось возможным подвергнуть прямому и косвенному технологическому воздействию на потребу, прежде всего и преимущественно, хозяйственным нуждам. Впрочем, не таковы ли фундаментальные основания иерархически выстроенных градаций ценности для людских нужд любых, независимо от масштаба, природных кусков реальности?³

Соответственно, и познавательный интерес к Каспию был и будет ориентирован прежде всего на хозяйственную прагматику, на сугубое извлечение пользы. Без этого любые геополитические построения в связи с данным участком земной поверхности, заполненным соленой (морской?) водой так, что она из него не стекает, а только испаряется, были бы виртуальными, то есть выстраивались бы, так сказать, в сослагательном наклонении. Это, на наш взгляд, принципиально важно: любой объект природы, вовлеченный в хозяйственный оборот и обремененный этой полезностью, какое-то время и в каком-то месте *упорядочивающим* образом влияет на характер взаимоотношений между людьми. Это влияние задает критерии соотношения желаемого и достижимого, позволяя и в то же время ограничивая обустройство производственно-технологических и иных отношений между людьми как с точки зрения их внутренней сегментации, так и с точки зрения интенсивности протекающих в разных «частях» этих отношений процессов.

Не сомневаюсь, что нынешним доктринерам от системной геополитики (типа, например, г-на Дугина⁴) с Каспием давно все понятно (их отличие, кстати, от доктринеров прежних в том, что на тех еще можно было найти управу). Но это, надо согласиться, не вина, а беда этого племени. В самом деле, бывает крайне трудно отказаться от соблазна выстроить глубоко эшелонированную и широко разветвленную объясняющую схему иерархически, кластерно, сетевидно или как-то иначе организованных силовых полей и разнообразных, но *четким* (это слово – ключевое для мировоззрения доктринера и догматика), да еще и целевым образом ориентированных движений, пространством сосредоточения которых выступает некий природный объект с присущим ему набором ресурсных или иных характеристик. Тем самым, по-видимому, действительно вскрываются некие генеральные тенденции и даже могут быть сформулированы *деревя*, кусты и гроздья целей относительно включения этого объекта в совокупность человеческих дел и отношений. В этих и других попытках сквозит неизбывное человеческое желание понять если не правила, то хотя бы основные векторы изменения, равно как и функционирования *окультуренных* (то есть в данном контексте *втянутых* в культурный пространственно-временной континуум, где осуществляется человеческая деятельность и достигаются прямые и косвенные ее результаты) явлений и процессов, природных по происхождению и даже способу существования, но модифицированных тем обстоятельством, что в связи с ними затеваются разнообразные комбинационные или ролевые «стратегии», «квесты», а порой и «шуттеры», одним словом, те игры, в которые привычно играют люди, и которые, как известно, тоже играют в людей (яркие примеры составляют, скажем, «стратегия» по поводу каспийской нефти или, например, «квест» в связи с каспийской килькой, или «шуттеры» вокруг злополучных яиц хорошо сохранившихся доисторических рыб). Иногда эти вектора даже удается идентифицировать, впрочем, чаще всего случайно...

Мы вовсе не намерены иронизировать, поучать и совсем не имеем намерения подвергать огульной критике актуальность, возможность и даже полезность такого рода построений – но ровно до тех пор, пока их творцы не настаивают на единственности занятой ими позиции или принятой установки. Однако, стоит отметить, что политико-экономическая познавательная парадигма (ориентированная на синтетический, но все же ущербный образ человека, в котором Ното Economicus подчинил и переделал Ното Faber) и тесно связанная с ней разнообразная технологическая прагматика освоения, например, каспийских богатств на берегах, на дне, в толще и на поверхности воды пока плохо состыкована с понимающим исследованием комплекса каспийских дел как некоего социального культурно-исторического феномена. Вернее сказать, первое по-прежнему считается важнее второго. Это понятно, поскольку большую часть человечества интересуют, прежде всего, успех и полезность, и лишь относительно небольшую – культурно-исторические последствия и тенденции, часто возникающие как необходимый, но слабо предсказуемый результат любой сколь угодно рациональной и экологически оправданной производственной деятельности. Однако не стоит упускать из виду, что эта последняя, как давно подмечено, осуществляется на определенном фоне, или, лучше сказать, будучи погруженной в определенную среду и обстоятельства, среду и обстоятельства в широком смысле окультуренной, причем, парадоксальным образом, сам этот фон и среда есть в определенном отношении необходимая предпосылка и неотъемлемый результат созидательно-производственных усилий групп людей и отдельных личностей (совсем не обязательно, кстати говоря, пассионарных), субъектов, нацеленных на целесообразное, деятельное взаимодействие с миром природы.

Даже простое изменение точки зрения с *монокулярной* (имеющей в виду исключительно целевой, более того – эффективный результат) хотя бы на, скажем, *бинокулярную* (учитывающую соотношенность цели и средств в движении к искомому результату) приводит к существенному расширению широты обзора проблемных областей. Следствием выступает, разумеется, увеличение (порой экспоненциальное) круга факторов, которые предстают как значимые для понимания всех нюансов проблемы сотрудничества в связи с набором каспийских спецификаций и должны были бы, поэтому, учитываться при построении практико-синтетической теории управления данным регионом, если таковую модель кто-нибудь, наконец, решился сформировать. Этого обычно не происходит, и волей-неволей важный, если не определяющий аспект проблемы «выносится за скобки». Я уже не говорю о тех усложненных, с точки зрения практики управленческого (в широком значении) администрирования, подходах, которые требуют учета не только, к примеру, экономической эффективности проекта, но и социально значимых последствий его осуществления, взятых с учетом предшествующего, наличного и, по возможности, перспективного культурного – нет, не фона, а, образно выражаясь, «генотипического фонда», то есть самого существенного, качественно (атрибутивно) присущего той области реальности или ее фрагменту, которые подвергаются преобразованию... Наверное, будут правы те, кто скажет, что *нельзя жить так подробно*. Но морально затруднительно не согласиться и с теми, кто станет резонно напоминать о культурно-историческом наследстве для будущего, для потомков, которых, конечно, еще нет, но которым, как и нам, ныне живущим, видимо, будет далеко не все равно, какую именно реальность они застанут при своем появлении на историческом поприще⁵. Управленческое воздействие на социальную реальность обязано быть крайне ответственным в этом отношении, а иначе сотрудничество останется недостижимой мечтой, голой декларацией или, хуже того, идеологическим прикрытием курса на недобросовестную конкуренцию по отношению к потенциальному партнеру.

Место, к которому применяется действие, оказывает влияние на характер этого действия, а также на общее состояние субъекта(-ов), который(-ые) это действие практикуют. Н. Гумилев и другие его сторонники в своих сочинениях выстраивают, помимо прочего, содержательную аргументацию в пользу отчетливо видимого и естественно-необходимого влияния ландшафтов на эволюцию этносферы. В упомянутой работе, как нам думается, далеко не случайно он избрал пространством проявления и

центрации выявляемых им закономерностей функционирования и развития этносов как социо-природных систем именно природный объект – Каспий. Вокруг Каспия действительно выстраиваются в странный и прихотливый узор силовые линии экономики, политики и духовных экзерсисов. Этот узор динамичен, его поверхностный рисунок, видимо, отображает некие глубинные метаморфозы, которые переживает всё, что, так или иначе, оказывается связанным с данным географическим объектом. Сей фрагмент действительности выглядит как волшебное вместилище, внутри которого скрыты как огромные созидательные силы, так и несомненный деструктивный потенциал. Размышляя об этом, нетрудно попасть под обаяние прихотливых мистических орнаментальных арабесок, которые с давних пор выписывались в связи с мозаикой каспийских трудов и дней, однако стоит подчеркнуть, что, выражаясь научным языком, влияние каспийского фактора на процессы, протекающие вокруг этого озера-моря, надлежит изучать и путем строгого научного анализа, и посредством художественных интуиций, и с помощью других познавательных инструментов, для которых в современной гносеологии пока нет названия, поскольку слова для обозначения этих гнозификальных модусов человеческого узнания и уразумения реальности еще не изобретены.

Считается неприличным, рассуждая о Каспии и происходящем вокруг него в настоящем времени, хотя бы вкратце не упомянуть об уже явленном и описанном, о том, что есть и происходит *на самом деле*. Этому объективистскому предрассудку отдает дань практически каждый, кому интересна каспийская проблематика в ее технико-прагматической составляющей. Однако присущий такому нарративному обозрению актуальных каспийских дел элемент аналитической выборочности, а значит, и субъективности все-таки желательно элиминировать или свести к минимуму, коль скоро нам предстоит заглянуть за горизонты изведенного, в вероятные будущие состояния. Попытаться хотя бы начерно, эскизно оформить те проступающие из небытия контуры грядущего, которые притягивают умственный взгляд и вызывают желание понять и почувствовать глубину будущего, значит признать, что есть некие объективные по содержанию, но субъективно воплощаемые закономерности, которые влияют на процессы, происходящие с самим Каспием. Но это значит, в свою очередь, что есть и иные, связанные с первыми, закономерности того, что происходит с людьми и человеческими сообществами вокруг Каспия или в связи с ним. Однако природа и сущность этих закономерностей, их социально-исторический смысл, на наш взгляд, есть открытый вопрос⁶. Парадокс в том, что без какого-то, хотя бы приблизительного решения этого вопроса и достижения согласия вокруг этого решения среди влиятельных региональных субъектов определить целевые функции управленческих влияний на развитие ситуации в данном локусе мирового хронособытийного поля невозможно.

Структуры взаимоотношений между социально-историческими субъектами, расположенными вокруг Каспия, представляют собой динамический результат их воздействий друг на друга в процессе реализации актуальных целевых установок, принятых «по умолчанию» за выражение совокупностей субъектных интересов народов и граждан, населяющих это региональное пространство. Эти интересы отнюдь не произвольны, а, напротив, обусловлены объективными обстоятельствами существования данных субъектов и наличными инструментальными возможностями для самореализации. Сложности проистекают от того, что потенциально любой действующий в данном, конкретном хронособытийном континууме субъект деятельности и управления *мешает* или *может помешать* другому, и в этом отношении *потенциально опасен* для другого, поскольку так или иначе старается распространить и зону своего влияния, и сферу своих интересов за пределы собственной бытийной ниши. Дискретность бытийного пространства-времени порождает необходимость фрагментации действий субъекта в отношении своих желаемых состояний, и этот самый зазор между волеизъявляющей мыслью о действии и самим действием, состояние, предшествующее действию, но уже обозначающее интерес субъекта в этом действии, и является для других субъектов поводом для размышлений о скрытой угрозе, проистекающей от контрагента⁷.

Такова жизнь, таково устройство мира, который вряд ли злонамерен по отношению к историческому субъекту, но который структурирован потенциально опасным для субъекта образом. Одиночество как отсутствие контактов с себе подобными, но *иными*, благотворно, но лишь поскольку позволяет инициировать собственные резервы; порожденная же им тяга к общению с подобными себе вдруг и нечаянно рождает мысль об опасности и возможных угрозах со стороны такого же, как ты, но все-таки другого. Конечно, сотрудничество – категорический императив человеческого существования, и не только в третьем тысячелетии, однако в условиях разности в субъектных интересах и их дивергентной эволюции оно порождает правомерные опасения относительно того, что затеваемая «игра» может пойти не по правилам и обернуться проигрышем. Играющий всерьез, а особенно – на деньги, не хочет, естественно, проигрывать и тем более терять значимую часть того, что имеет. Противоположная сторона рассуждает так же. В результате возможное и желательное сотрудничество становится отложенным до каких-то «лучших времен», а его место занимает конкуренция, то есть поиск и создание преимуществ одной стороны за счет другой. То, что происходит вокруг Каспия сегодня, если воспользоваться образом «шахматной доски» З. Бжезинского, напоминает ситуацию, в которой партнеры вроде бы садятся играть в шахматы, но при этом любой из них не застрахован от того, что партнер-соперник вдруг начнет играть шахматными фигурами по правилам, к примеру, русских шашек или нардов, а может быть, вообще захочет поиграть «в Чапасава» и начнет щелкать по своим фигурам, стараясь повалить фигуры партнера-соперника. Я уже не говорю и о том радикальном способе разрешения шахматных кризисов, который использовал О. Бендер в Васюках, проводя сеанс одновременной игры с тамошними аборигенами: этот подход, так сказать, «с позиции силы» все время маячит где-то на горизонте сознания и все время и в любом месте имеет, к сожалению, не нулевую вероятность осуществления.

Подход к Каспию как к уникальному природному образованию, которое необходимо сохранить для будущего если не в первозданном, то хотя бы в приличном виде, нелегко совместить с логикой подхода к этому водоему как к огромной кладовой природных ресурсов. Однако и тот, и другой могут стать предметом политической деятельности и, соответственно, политического торга. Какой из подходов объективно выигрывает для власти – сказать трудно, а отказаться от политизации каспийских проблем, по крайней мере, в ближайшее время, никто, похоже, не собирается. Перевести отношения, связанные с этой проблематикой, в другую плоскость, налаживая народную, научную, предпринимательскую и иную «негосударственную» дипломатию, не только декларативное, но и реальное сотрудничество, это, возможно, единственный способ не допустить вокруг каспийского бассейна и в нем самом конфликтно-генных ситуаций. Место встречи интересов как фокус их средоточия, и, следовательно, возможного столкновения должно, на наш взгляд, превратиться в некое подобие многоканального узла связи или сети общения, каждый клиент которой, по крайней мере, в ожидаемом будущем – *не угрожающий друг, товарищ и брат*.

¹ Не странно ли, что простое объединение усилий (мы уж не говорим о таком раритете, как свободный труд свободных собравшихся людей), несмотря на явную позитивную ценность этого вектора общественных отношений, остается до сих пор скорее вынужденным способом социально организованного общения, чем сознательно выбранной жизнедеятельной стилистикой?

² Так, И.С. Зонн, знающий о Каспии всё или почти все, утверждает, что «среди всех внутренних морей мира Каспийскому морю и его бассейну принадлежит особое место», но, по его словам, оно определяется «...не столько его геологической историей, физическими, гидрофизическими, гидрохимическими и гидробиологическими особенностями или изменяющимся уровнем режимом, сколько его геополитическим положением и наличием стратегических запасов углеводородного сырья и мирового стада осетровых» (Зонн И.С. Каспий: иллюзии и реальность. М., 1999. С. 39). Однако вопрос о специфике Каспия как объекта исследования и, соответственно, управленческого и иных воздействий, тем самым, на наш взгляд, нисколько не проясняется.

³ Здесь, в этом пункте, думается, можно было бы попробовать примирить таких антиподов в понимании природы общества и человека, как К. Маркс и С. Булгаков.

⁴ Этот «хвеномен» постреформенной России заслуживает особого акцента и внимания. Он настолько выпукл, что хочется пристрастно исследовать его внутренне содержимое на предмет воплощения в нем, как говорили раньше, глубочайших внутренних противоречий как движущих сил *такого* духовного развития. К сожалению, даже первые параграфы книги «Анти-Дугинг» существуют пока еще только в набросках.

⁵ Основной принцип так называемого «экологически обоснованного устойчивого развития», сформулированный в 80-х гг. прошлого века, в идеологическом плане требует учета интересов еще не родившихся поколений людей при осуществлении экономической деятельности. Трудная усвояемость принципов «environmentally sustainable economical development», сформулированных и имплементированных в систему научных исследований за последние 30 лет, на мой взгляд, связана и с тем, что, помимо прочего, «социальная технология с человеческим лицом» при воплощении традиционных «образов будущего» остается пока что недостижимой. Равным образом, тяжкие поиски принципиально новых моделей развития мира до сих пор не увенчались успехом. (См., напр., доклад Коффи Аннана по поводу десятилетия реализации «Повестки дня на XXI век», принятой на известном саммите ООН в Рио-де-Жанейро, который опубликован на официальном сайте ООН в августе 2002 г. за номером E/CN.17/2002/PC.2/7).

⁶ Свою позицию по вопросу о смысле истории я постарался изложить в ряде публикаций, поэтому подробную аргументацию в пользу моего видения методологических оснований исследования социальной реальности в целях управления ее развитием я позволю себе здесь не приводить. (См., напр.: Баранец С.Н. Философский подход к проблеме смысла истории: субъективные заметки. // ВЕСТНИК РФО, 2002. № 2 (22). С. 52-56.)

⁷ Хочу обратить внимание, что это рассуждение об опасностях относится к сфере методологии и философских оснований человеческой деятельности в истории. Однако можно привести немало примеров того, как невнимание к этим, далеким от практики опасностям порождало реальные опасные ситуации в экономической и политической сферах организации жизни в прикаспийском регионе. Немало опасностей, с которыми сталкиваются люди, имеют своим источником разруху в голове, которая и есть не что иное, как отсутствие методологических и мировоззренческих ориентаций, принципов и идеалов.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА: НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИКО-ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ

В.М. Адров
(Астрахань, Россия)

События последних десятилетий привели к существенным переменам в геополитике всего мира, и в зоне Прикаспия в частности. Распад Советского Союза и появление новых государственных образований, усиление нестабильности в среднеазиатском регионе, связанное с событиями в Афганистане, повышенный интерес транснациональных (прежде всего, американских) корпораций к разработке нефтяных и газовых месторождений вокруг Каспийского моря и ряд других событий предопределили особый интерес во всем мире к Каспийскому региону. Интерес, который заставляет активизировать внешнюю политику прикаспийских государств по отношению к статусу Каспийского моря, а также по вопросам стабилизации и обеспечения собственных интересов в этом районе мира.

Каспийский регион можно считать уникальным в том смысле, что здесь мы имеем практически полный набор явлений, характеристик, закономерностей, понятий, которые сложились в геополитической традиции. Его можно было бы рассматривать как своего рода учебную модель к изучению курса геополитики. Природа и человеческая история основательно потрудились над тем, чтобы представить в этом регионе иллюстрации ко всем основным геополитическим закономерностям и явлениям. Мы можем наблюдать здесь действие закона фундаментального дуализма и закона синтеза суши и моря, образцы береговой зоны (так называемой зоны Rimland), различных видов геополитических полей, особенно пограничного поля, перекрестного поля и метаполя, и, конечно, в этом регионе можно наглядно получить картину развития геополитического баланса сил.